

ЛИДИЯ ЧАРСКАЯ

Дели-акыз

RUGRAM

МОСКВА
2022

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Ч-22

Чарская Л.

Ч-22 Дели-акыз / Л. Чарская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 164 с. — (Жизни и судьбы).

ISBN 978-5-521-77654-2

«Дели-акыз» — повесть для юношества о милосердии и жертвенности. Героиня этого произведения — Глаша, история которой рассказана в «Таита». Выпускницы института не забыли о своей Таите, навещали ее в приюте, думали о том, как лучше устроить будущее сиротки. Но Глаша сделала свой выбор.

BIC FC
BISAC FIC000000

ПРОЛОГ

в двух главах

Глава первая

Пять молодых девушек в нарядных белых платьях и в таких же шляпах одна за другой впрорхнули в светлую, веселую приемную Н-ского приюта.

Старая прислуга начальницы приюта оглядела с любопытством необычайных юных посетительниц и их радостно-взволнованные лица и пошла доложить о них своей барыне. И тотчас же по её уходе в комнате все зашумело и зазвенело сдержанным звоном молодых оживленных голосов.

— Вот и приняла... Вот и приняла... Ага! Что? А ты еще говорила, что не примет, Шарадзе! Всегда так: брякнешь, не подумав, а потом...

И одна из юных посетительниц, тоненькая, необычайно изящная шатенка с вьющимися волосами, торжествующе взглянула на подругу, нескладную, высокую девушку, красивые черные глаза которой, как и её смуглое худощавое лицо явно обнаруживали кавказское происхождение.

— Погоди еще радоваться, Баян: рано пташечка запела, как бы кошечка не съела... — гортанным голосом, с восточным акцентом, ответила смуглянка.

— Типун тебе на язык, Тамара! — сказала маленькая, с большими светлыми глазами девушка, быстро вскочив с дивана, на котором она уже успела расположиться. — Не может она не принять и не выслушать вас, когда мы приехали по такому важному делу, да еще и с рекомендацией от само-то барона-попечителя...

— Разумеется, Золотая рыбка права! — подхватила третья посетительница, болезненного вида девушка, белый легкий наряд которой придавал ей какой-то воздушный вид. — Разумеется, вас и выслушают и день назначат, когда привести сюда нашу маленькую, родненькую девчурочку...

Голос Вали Балкашиной при этих словах вздрагивает от волнения, а глаза внезапно наполняются слезами.

Тотчас же из-за пояса извлекается кружевной платочек, и тихое неожиданное всхлипывание раздается в светлой приемной.

— Ну, вот еще! Этого еще недоставало... Здравствуйте! На третий день выпуска слезы лить! — возмутилась четвертая посетительница — хорошенькая, кудрявая Ника Баян. — Пожалуйста, прошу тебя, не распускай ты своих нервов! Ведь нашей Тайночке, право же, здесь будет очень недурно, уверяю вас, *mesdames*, даже очень хорошо... Ну, да, конечно, о-о-чень хо-ро-шо... — срывающимся голосом доканчивает Ника, и тоже достает из-за пояса кружевной платочек, которым закрывает свои карие, оживленно сверкавшие до этой минуты глаза.

Всхлипывания двух девушек вызывают слезы у третьей. Теперь плачет очень высокая, тонкая, с осиной талией и задумчивыми глазами, блондинка Муся Сокольская, «Хризантема» по прозвищу, данному ей её подругами. К ней немедленно присоединяется «Золотая рыбка», т. е. Лида Тольская, закадычная подруга Муси. Девушки тихо плачут, плотно прижав к глазам свои носовые платки.

Крепится только армянка Тамара Тер-Дуярова, или «Шарадзе». Прозвана она «Шарадзе» своими одноклассницами за

постоянную привычку задавать шарады и загадки. Но и её черные восточные глаза сейчас усиленно моргают, чтобы как-нибудь задержать навертывающиеся на них непрошенные слезы.

— Mesdames, перестаньте! — говорит Тамара. — Перестаньте реветь! А то и я зареву... Ника, сделай «умное лицо», пусть посмеются лучше... Или я новую шараду залам... Ну же, действуй Ника ...

Но той не до «умного лица» нынче. Когда Ника Баян, общая любимица всего института, бывала в хорошем настроении, она могла уморить со смеха весь класс. Она умеет подражать голосам и манерам начальства и подруг или изображать тех и других, умеет совершенно изменять выражение своего хорошенького личика и делать из него «умное лицо», то есть такое, при виде которого все невольно хохотали до слез. Кроме того изящная Ника прекрасно танцует. Часто по вечерам, оживленная и прелестная, она носилась перед восхищенными подругами в бешеной пляске, с растрепанными кудрями и блуждающей улыбкой, приводя юных зрительниц в неописуемый восторг.

Но сейчас Ника «скисла». «Скисли» и остальные её подруги заодно с нею. Все пять девушек глубоко ушли в мягкие, какие-то особенно располагающие к отдыху, кресла и время от времени тихо перекидывались сквозь слезы коротенькими, отрывистыми фразами

— Она у вас такая избалованная... Ей будет трудно среди чужих...

— Конечно, трудно. Мы так любили ее...

— И так ласкали...

— А Ефим был прекрасным дядькой нашей Тайночке.

— Здесь уже не будут ее кормить так, как у нас...

— Ну, это даже хорошо. От конфет и сладостей у неё часто болел животик, — серьезно вздыхает Варя Балкашина.

— Валерьянка, не говори ерунды... Пока ты живешь на свете, живут валерьяновые и другие капли, и никакие болезни нам не страшны! — звенит громко голосок Лиды Тольской.

Валя Балкашина, или «Валерьянка», отнимает на минуту кружевной платок от влажных глаз и обиженно спрашивает:

— Что ты хочешь этим сказать, Тольская?

— Но, ведь, у тебя же всегда был запас лекарств в тируаре (ящик стола), и ты страдаешь манией лечить всех и каждого, моя дорогая... Не даром же мы прозвали тебя «Валерьянкой» — оправдывается Лида.

— Глупое институтское прозвище. Мы не воспитанницы больше, и пора это забыть, — еще обиженнее тянет Валя.

— Перестаньте, дети мои!.. Тут не место для споров и пререканий. Подумаем лучше о вашей Тайночке. Каково-то ей будет здесь! — останавливает своих подруг Ника Баян.

— Будет скверно, что и говорить.

— И весьма! После нашего-то баловства, после наших-то забот!

— Ясно, что скверно будет. Кто же станет здесь так заботиться о ней!

— Понятно, никто.

— Бедная Тайночка! Бедная Глаша!

И девушки снова хватаются за платки. Тихое всхлипывание постепенно переходит в громкое. Кажется, будто и сама комната омрачается изливающимся здесь молодым горем.

Медленно приподнимается тяжелая плюшевая портьера над дверью, и на пороге приемной показывается небольшая плотная женская фигура. Посетительницам бросается в глаза совершенно седая голова и длинный восточный нос.

Это начальница Н-ского приюта, старая княжна Надежда Даниловна Дациани, уроженка Тифлиса. Ей шестьдесят с лишком лет, но глаза её еще пламенны, а лицо еще свежо и приятно. В молодости княжна Дациани пережила глубокое горе: любимый ею жених погиб от разбойничьей пули в горах. Надежда Даниловна, оставшись верною его памяти, дала

клятвенное обещание никогда не выходить замуж и стойко сдержала свое слово. В молодости же она была пожалована придворным званием фрейлины и занялась делами благотворительности. Лет двадцать тому назад ее назначили начальницей Н-ского приюта для девочек, и она вся ушла в заботы о своих новых питомцах.

Старая княжна довольно долго простояла на пороге своей гостиной, молча разглядывая своих необыденных плачущих и ничего не замечающих посетительниц. Потом легкая, незаметная улыбка, сморщила её губы и скрылась в задумчивых восточных глазах.

— Гм! — кашлянула княжна, — чем могу служить, mesdamoiselles?

Девушки вздрогнули от неожиданности. Платки мгновенно исчезли в глубине карманов, и перед старой придворной дамой предстали смущенные, разбурянные от слез, совсем еще юные девичьи лица. Все пять молодых девушек поднялись со своих мест, выстроились в линию и, отвешивая плавный, по всем правилам института, реверанс, несколько нараспев, хором произнесли:

— Nous avons l'honneur de vous saluer princesse! (Мы имеем честь приветствовать вас, княжна!).

Когда фраза была окончена, темноглазая, розовенькая Баян, вспыхнув до ушей, подумала:

«Мы с ума сошли! Как это глупо, так кланяться, ведь мы же уже не институтки», — и смущенно посмотрела на Тер-Дуярову.

Та сразу поняла взгляд Ники. «Правда, душа моя, глупо. Мы уже не институтки» — мысленно же согласилась с нею тотчас армянка.

Наступила минута молчания.

Старая фрейлина, улыбаясь, любовалась смущением этих взрослых детей. Но вот Ника Баян, еще накануне уполномоченная говорить с княжной от имени всей депутации, выступила вперед.

— Мы приехали к вам просить вас от имени всего последнего выпуска Н-ского института за нашу дочку, — начинает она взволнованно.

— Дочку? — и седые брови старой княжны удивленно вскидываются над пламенными восточными глазами.

— Ну, да, дочку и внучку! — подхватывает Тамара Тер-Дуярова. — Потому что я — её дедушка, а вот она, (тут армянка непринужденно тычет пальцем в Нику,) — она — её бабушка, по общему соглашению всего нашего выпуска Шура Чернова, тоже воспитанница нашего выпуска, — её папа; мамы же её — весь наш класс; все мы, и мамы, и тетки! — звенит своим хрустальным голосом «Золотая рыбка».

Старая княжна улыбается все шире и шире.

— Так вы приехали просить за вашу приемную дочку, маленькую сиротку Глашу Петушкову? — наконец догадывается она.

— Да, да, да, за Глашу Петушкову, — хором воскликнула депутация.

— Её бумаги несколько дней тому назад поступили в канцелярию нашего приюта. Сам барон хлопочет за вашу воспитанницу, и она уже принята в нам, — торжественно объявляет княжна девушкам и следит, какое впечатление произведут её слова на юных посетительниц.

Те почему-то молчат.

— Ника, да говори же! Чего истуканом стоишь? — шепчет тихо волнующаяся Тамара.

Старая княжна замечает этот шепот и останавливает свой взгляд на Тамаре. От этой молоденькой армянки так и веет её родиной: знойным кавказским небом, небом милого Тифлиса, синим и прозрачным, как крыло парящего ангела... Веет высокими горами, где воздух так чист и легкий. Дорогой, милой, давно покинутой родиной веет на старую княжну-грузинку, и её глаза увлажняются слезами. Ласково берет она обе руки Тамары в свои и говорит как бы совсем новым, глубоким и прочувственным голосом:

— Будьте покойны, дети, вашей общей дочке будет, несомненно, хорошо у нас, если только она не окажется слишком избалованной и капризной.

— Вот то-то и есть, что может оказаться... — совершенно неожиданно для себя самой выпаливает Ника.

Начальница переводит свой ласковый взгляд с юной армянки на хорошенькое личико Ники и спрашивает:

— Что вы хотите этим сказать?

— Я .. мы... я... хотела сказать, что... что наша Тайночка... наша Глаша... да... немножко избалована, а потом у... да... потому... — путается Ника, — мы и пришли просить вас о снисхождении и... и...

— Да, да! Мы просим вас о снисхождении к ней! — подхватывают остальные депутатки хором.

— Ведь вам, должно быть, известна её странная, таинственная судьба? — спрашивает «Золотая рыбка», выступив вперед.

Старая княжна улыбается снова.

— Мне известно о том, что тридцать милых, добрых и сердечных девушек тихонько от начальства взяли воспитывать маленькую сиротку, поселив ее в комнате старого, прозванного ими почему-то «Бисмарком», институтского сторожа Ефима. Мне известно так же, как случайно обнаружилась их тайна и как барон, попечитель института, принял на себя труд устроить эту маленькую сиротку у нас в приюте. Видите, я хорошо осведомлена обо всем.

— Вы даже знаете, что мы прозвали нашего Ефима Бисмарком! — приходит в неожиданный восторг Ника.

Лицо старой придворной дамы еще более светлеет. Ей положительно нравятся эти юные создания, такие непосредственные, такие искренние. Нравится и то, что они доверчиво явились к ней с просьбой обласкать их «протеже» на третий же день после выпуска из института.

Ведь только три дня тому назад они попрощались с приютившими их стенами, а теперь вместо того, чтобы отдаваться

отдыху и удовольствиям, так понятным в эти радостные дни, они хлопочут за их маленькую «дочку-внучку-племянницу».

Да, они решительно нравились княжне с их открытой чуткой душой, с невинными, радостными личиками. И все же мысль о том, что эти девушки помещают в приют, очевидно, избалованного ребенка, с которым предстоит немало забот и возни, немного расхолаживает добрый порыв старой княжны. Но, тем не менее, она решается успокоить своих юных посетительниц и порадовать их.

— Я постараюсь быть снисходительной к вашей дочке, внучке и племяннице... — шутливо говорит она, пожимая по очереди руки приседающим в низком реверансе перед вею девушкам. — И ваша маленькая Тайна, надеюсь, не будет жаловаться на дурное с нею обхождение своим молодым мамашам.

— Надеюсь! — совсем некстати замечает Тамара.

Княжна улыбается снисходительной улыбкой:

— До свиданья, mesdamoiselles! Я жду вашу воспитанницу. Вы ее, вероятно, скоро приведете?

— Завтра — звучит согласно маленький хор.

Тяжелая плюшевая портьера поднимается и опускается снова. Старая княжна, любезно кивнув с порога, исчезает.

— Ух! Как гора с плеч... А она пресимпатичная, однако, азиатка эта! — смеется Ника.

— Она с Кавказа, душа моя. Этим сказано все, — гордо выпрямляя плечи и грудь, говорит Тамара.

— А теперь в институт, mesdam'очки к Тайночке вашей! Да в кондитерскую зайдём по дороге, конфет ей купить! — командует «Золотая рыбка».

— И хризантем... Я хочу хризантем непременно. Надо приучить ее любить эти дивные цветы, — говорит Муся Сокольская, обожающая хризантемы, а потому и прозванная «Хризантемой» всем институтом.

— Вот ерунда-то! Где ты их найдешь весной! — возмущается «Золотая рыбка». Они — осенние цветы. И потом, наша Глаша равнодушна только к тому, что она может кушать. А твои

